

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

СОБИРАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

© 2004 г. А. А. Богданов

“Создал Бог человека по образу и
подобию своему...”

Книга Бытия

“Общественное бытие определяет
собою сознание людей...”

К. Маркс

“Человек – мост к сверх-человеку”

Фр. Ницше

Что такое человек? Вопрос этот одни решают слишком просто и конкретно, другие слишком сложно и отвлеченно. Оба типа решений во многом сходятся между собою не только со стороны реального содержания, которое охватывают, но и со стороны основной точки зрения, из которой исходят. Это *наивные** решения.

Для обывателя “человек” вовсе не загадка, не “проклятый вопрос”, а просто живой факт его обывательского опыта: “человек” – это он сам и другие обыватели, и все, кто обладает достаточным сходством с ними. Решение, как видим, не только наивное, но явным образом и не вполне определенное. Однако оно совершенно удовлетворяет обывателя: своей незатейливостью оно как нельзя более соответствует несложности запросов обывателя, своей узостью – крошечным размером того мира, в котором он живет.

Для философа-метафизика “человек” – великая загадка, но при помощи “самонаблюдения”, “умозрения” и других методов он разрешает ее довольно легко: “человек” – это существо, одаренное “разумом”, “нравственной свободой”, “стремлением к абсолютному” и т.п. возвышенными свойствами. Формулы как будто не слишком отчетливые, не слишком точные, но для метафизика они обладают вполне достаточной определенностью. Они удовлетворительно резюмируют его личный опыт, кабинетный и житейский: “разум” для него означает способность к схоластическим упражнениям с их тонкостями и ухищрениями; “нравственная свобода” – склонность нарушать свои практические принципы и затем раскаиваться в том, что поступил так, а не иначе; “стремление к абсолютному” – общую неудовлетворенностью жизнью, смутное сознание бессодержательности и бесплодности своего существо-

вания и т.д. И здесь наивность мышления заключается в том, что свой маленький и дрянной мирок, не стараясь расширить и развить его действительное содержание, делают, незаметно для себя, мерою для такой большой вещи, как человечество.

Наивным точкам зрения противопоставляются научные. К сожалению, в этом процессе их имеется до сих пор не одна, а несколько. Так, для общей науки о жизни “человек” характеризуется определенными анатомическими и физиологическими особенностями, для психологии – определенными сочетаниями фактов сознания, для социальной науки – определенными отношениями к себе подобным и т.д. Все эти точки зрения, разумеется, вполне законны и удовлетворительны – каждая в своей области; но в одном отношении они недостаточны, и уступают даже наивно-обывательской и наивно-схоластической: все они “парциальны”, частичны.

“Человек” есть *целый мир опыта*. Этот мир не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом – “человеческое тело”, ни психологическим комплексом – “сознание”, ни социальным – “сотрудничество”... И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не получится *целостной* концепции: собрание частей еще не есть целое.

В этом смысле и обывательская точка зрения, и ее разновидность – схоластическая имеют несомненное преимущество: каждая из них *формально* берет человека целиком, не отвлекая ту или другую его “сторону”. Но от такой формальной целостности, к сожалению, толку очень немного, потому что *содержание* в обоих случаях берется мелкое и неопределенное. Самая “широта” этих концепций оказывается узкой и односторонней: “человек” выступает в них не как нечто беспре-

*Здесь и далее курсив А.А. Богданова. – Прим. В.К. и О.Н.

дельно развивающееся, а как нечто неподвижное в своих основах, статически данное: в одном случае он всецело ограничивается рамками обывательщины наивной, в другом – рамками обывательщины философской; здесь он навсегда обречается быть существом “полным страха и надежды, что Бог сжалится над ним”, там – существом полным праздных размышлений чистого разума об истинном познании и безнадежных мечтаний разума практического о преодолении всех инстинктов. Общая предпосылка состоит в том, что “всякой твари предел положен есть, его же не преидеши...”.

Задача состоит в том, чтобы дать *научную* и в то же время *интегральную*, а не частичную только концепцию “человека”. Для этого надо рассматривать человека не только как целый мир опыта, но и как мир развертывающийся, не ограниченный никакими *безусловными* пределами.

I

Человек – мир, но мир частичный, не космос, а микрокосм, не Все, а только часть и отражение великого целого.

Но почему он не целое? Что делает его частью? То, что связывает его с целым.

Если бы человек был один, он не был бы микрокосмом. Его опыт и мир совпадали бы между собою. Он, может быть, отличал бы от своего тела другие предметы, но все они были бы исключительно предметами его опыта. Всякое расширение этого опыта было бы тогда расширением мира в целом.

Общение с другими существами – вот что делает человека микрокосмом.

Только это общение научает человека тому, что есть вещи, которые не принадлежат к его опыту, и однако “существуют”, потому что принадлежат к опыту других людей, – что есть переживания, которых он не испытывает, и которые однако “реальны”, потому что протекают в сознании других людей. Он убеждается, что поток опыта не один, а их много, и все они сливаются для него в бесконечный океан, который он называет природой.

Таким образом, между “человеком” – индивидуальным миром опыта и “природою” – миром универсальным связь создается средою общения, социальной средою в точном смысле этого слова. И если мы хотим решить вопрос, что такое человек среди всеобщего мирового процесса, то путь к решению лежит для нас через другой вопрос: в каком отношении находится опыт отдельного человека к опыту других живых существ?

Эти другие существа, прежде всего, конечно, люди – именно те, с которыми он находится в на-

иболее тесном жизненном общении, – члены того общества, к которому он принадлежит.

II

На заре жизни человечества между опытом отдельного человека и коллективным опытом его “общества” разница сравнительно очень небольшая и очень простая: это разница *количества*, а не качества.

Первобытное родовое общество – это мир стереотипных людей, с ничтожными вариациями повторяющих один другого. Формы жизни просты, элементарны, однообразны; все, что доступно в опыте одному члену родовой группы, доступно и всякому другому; что делает и умеет делать один, то делает и умеет всякий другой; что знает один, то знает и всякий другой. Одинакова среда, в которой каждый из них живет и действует: одна и та же маленькая группа людей, один и тот же маленький клочок природы. Одинаковы и средства, которыми каждый располагает в своей жизни и деятельности: один и тот же стихийно накопленный группою запас трудового опыта, одни и те же примитивные орудия.

Тут нет ничего такого, что выделяло бы некоторых среди остальных принципиально *более широким* содержанием жизни, ничего такого, что отличало бы некоторых от остальных принципиально *иным* материалом опыта. Есть только незначительные количественные различия силы, ловкости, памяти, сообразительности; по существу, в полном жизненном цикле особой опыт каждого равен опыту всех.

Мышление людей при этом имеет “сплошной” характер. Группа живет, как целое; *нет личности*, нет идеи “я” как особого центра интересов и стремлений. Оттого в первобытных языках и не было личных местоимений.

Не раз пытались идеализировать первобытную жизнь, представить ее золотым веком позади нас. Отсутствие власти и подчинения истолковывали как господство свободы и равенства; отсутствие внутренней борьбы в родовой группе и ее тесную сплоченность на почве кровной связи – как осуществление братства. Все это – большая ошибка. Наши идеи свободы и равенства возникают из такого опыта, в котором существует угнетение и неравенство; они выражают активные стремления, направленные против этих фактов опыта; наша идея братства также возникает из реальных противоречий общественной жизни, и выражает активные стремления, направленные против их фактического господства. Где опыт не дает отрицательной основы для этих идей, там они пусты и неприменимы. таковы они по отношению к первобытному обществу.

Простота и элементарность жизни еще не составляют ее гармонии, потому что гармония – это примирение противоречий, а не простое их отсутствие, объединение разнообразного, а не простое однообразие. Если гармония не всегда воплощается в могучем движении, то она всегда заключает в себе *возможность могучего движения*. Этого нет в первобытной жизни людей: она неподвижна, стихийно-консервативна.

Бедность содержания жизни – такая бедность, какой мы не можем себе представить, – основная причина этого консерватизма. Развитие, творчество жизни возникает из богатства комбинаций опыта. Где весь материал опыта сводится к небольшому числу привычных ассоциаций образов, привычных эмоций и действий, там нет условий для развития и творчества. Где все строение психики основано на привычке, там нет и потребности в изменениях. Основное орудие человеческого развития – познание, строго говоря, не существует в этом мире: то, что лежит в рамках привычного, не вызывает потребности “объяснения”; то, что, неожиданно являясь извне, нарушает эти рамки, в ничтожном материале психики не находит данных для своего объяснения. Жизнь без познания стихийна, власть природы над нею безраздельна.

III

При всей неподвижности первобытный мир обладает своими собственными силами развития. Это, конечно, стихийные, биологические силы: размножение, перенаселение, голод... Они вынуждают развитие, и оно совершается – в долгом ряду тысячелетий, с такой медленностью, которая недоступна нашему воображению.

Сначала это развитие имеет чисто количественный характер: поле опыта расширяется, сумма переживания возрастает, – но “общество” остается комплексом *однородных* единиц, “человек” – существом *цельным и стереотипным*. Это продолжается до известного предела, за которым изменения становятся *качественными*.

Сумма коллективного опыта возрастает до таких размеров, что отдельный человек овладевает ею только в поздних стадиях своей жизни, да и то не каждый в полной мере. Тогда выделяется старший в роде, как носитель всего опыта группы, в противоположность остальным ее членам, располагающим лишь *неполным* опытом.

Первоначальная однородность отношений шаг за шагом исчезает. Один, опираясь на свой накопленный опыт, начинает указывать, остальные – следовать его указаниям. Это различие в дальнейшем возрастает, потому что неоднородность жизненной роли людей сама обуславливает неоднородность последующего развития.

Чтобы в пределах своей психики охватить наибольшую сумму опыта, тот, кто указывает другим, все в большей мере суживает свою “физическую” активность: он реже и реже действует лично, чаще и чаще – через других; он превращается в распорядителя по преимуществу, в *организатора* групповой жизни. Остальные, напротив, сохраняют все меньше личной инициативы, привыкают подчиняться, становятся постоянными *исполнителями* чужих указаний. Относительная бедность их жизненного содержания – благоприятное условие для такой деятельности: больше автоматизма, меньше колебаний, организатору легче справляться со своей задачей.

Так совершилось первое дробление человека – отделение “головы” от “рук”, повелевающего от повинующегося; так возникла *авторитарная* форма жизни. В дальнейшей истории человечества она, развиваясь, и усложняясь, и разрушаясь, выступает в бесчисленных вариациях; до сих пор это – основное и главное разделение общества. В виде мягкого матриархата и сурового патриархата, в виде облеченной религиозной тайною власти жреческой и облеченной силою оружия власти феодальной, в виде чуждой всяких формальностей системы рабства и полной холодной формализма системы наемного труда, в виде бессмысленно тупого восточного деспотизма и западно-культурной власти избранника, в виде бумажно-сухой власти бюрократа над обывателями и опирающейся на нравственную силу власти идеолога над его согражданами, – во всех этих изменяющихся формах авторитарное дробление человека сохраняет одну и ту же основу: отчетливо или смутно, опыт одного человека признается принципиально неравным опыту другого, зависимость человека от человека становится односторонней, воля активная отделяется от воли пассивной.

IV

Дробление человека вызывает дробление мира.

Дело начинается с того, что мышление людей перестает быть “сплошным”, что один человек в их сознании отделяется от другого, как особый, своеобразный мир опыта. Возникает “я” – центр отдельных интересов и стремлений. Но оно находится еще в самом начале своего развития: это “я” – личность организатора; ему нет еще антитезы в виде других “я”, которые бы с ним сталкивались, как независимые от него единицы; перед ним только подчиненные единицы, которые с ним неразрывно связаны как низшие органы его организма. Организатор не может вполне отделить себя как самостоятельное “я” от исполнителей: он им соотносителен, без них он немислим, как и они без него; логической невозможностью

является и организатор без исполнителей, и исполнители без организатора.

Дальше, авторитарное дробление распространяется на всю природу, сохраняя тот же характер соотносительности и связности.

Первобытному мышлению мир представлялся как хаос *действий*, потому что именно в форме действий являлась человеку его собственная борьба за жизнь. При этом “действие” выступало в сознании как единый и цельный жизненный акт среди других таких актов. Теперь же “действие” дробится в опыте, разлагается на два отдельных момента, – на активно-организаторскую волю и пассивное ее выполнение. И вся природа, как мир действий, становится такой же двойственной: во всяком явлении принимается активная воля как определяющее и пассивная сила как определяемое: это “дух” и “тело”. Сам человек – явление в ряду явлений – подвергается такому раздвоению наряду со всем остальным; он приобретает “душу”, как приобретают ее в то же время камни, растения, животные, светила. *Развивается анимизм как всеобщая форма мышления.*

Нет надобности специально доказывать, что отношение “духа” и “тела” есть именно авторитарное отношение господства и подчинения, высшего и низшего. Но и фактически, насколько мы знаем историю первобытного человечества, этот дуализм именно там и тогда возникает в сознании людей, где и когда в общественной системе уже существует авторитарное дробление. И дальше, по мере того как авторитарное дробление развивается, усложняется, меняет свои формы, то же самое происходит с авторитарным дуализмом мышления. Когда сознание группирует обширные ряды явлений в сложные единства, то за каждым таким рядом выступает организующая его высшая сила, и божества политеизма занимают свои почетные места в человеческом мышлении. Когда развивающееся познание достигает объединения всех рядов опыта в *Universum*, в мировое целое, тогда наступает эпоха единобожия. Когда противоречия социальной жизни, отражаясь в психике личности, порождают *этическое* мировоззрение, тогда человек раздвигает собственное сознание, противопоставляя в нем высшие стремления низшим, разумный долг – слепым инстинктам ... Дуализм и религиозное сознание дороги именно тем классам общества, которые живут в атмосфере авторитарных отношений по преимуществу, которые тяготеют к власти и подчинению. Где расцветает авторитарная жизнь, так расцветает и дуалистически-религиозное миропонимание; и в такой же связи совершается их упадок...

Авторитарный дуализм есть исторически первая форма “мировоззрения”: до него не было той связи опыта, для которой подходило бы это сло-

во. Вместе с авторитарным дуализмом возникло то, что мы называем “познанием”: различая в явлениях активное и пассивное начало, человек тем самым уже “объясняет” через первое проявления второго. Это, разумеется, только начало познавательного развития; цепь “объяснения”, цепь причинности обрывается здесь уже на втором звене: если явление имеет свою причину в собственной “душе”, то дальше этой души объяснению идти некуда. Но подобно тому, как авторитарные отношения, расширяясь, разветвлялись в длинные ряды последовательных звеньев, усложнялась и разветвлялась также цепь причинности; в общественной жизни людей авторитарные ряды отношений всегда сходились в каком-нибудь одном высшем авторитете; и точно так же познание людей стремилось сводить все причинные ряды в одной высшей первопричине. Так познание отражает общественную жизнь людей не только в своем содержании, но и в своих формах.

V

В сущности, авторитарные формы дробят не столько самое *содержание* человеческого опыта, сколько *отношение* людей к данным опыта. Тот, кто повелевает, и тот, кто подчиняется, неминуемо с различной точки зрения воспринимают одни и те же факты.

Вторая фаза дробления человека – специализация – идет в другом направлении. Здесь для каждого качественно суживается содержание жизни, и коллективный опыт оказывается разделенным между людьми так, что одному достается по преимуществу одна его область, другому другая и т.д. Сапожник знает свои колодки, купец свой прилавок, ученый свои фолианты, жрец свои молитвы, философ свои силлогизмы. Микрокосм делается мал и узок, мир заслоняется колодками, прилавками, фолиантами, мыль вращается в тесном кругу и не может из него выбраться. Это суженное существование не способно к самостоятельности, и потому даже не в силах окончательно вывести человека из-под власти авторитаризма: она сохраняется в виде патриархального господства отца в семье, экономического господства предпринимателя в предприятии, политически-организаторской роли бюрократии, идейно-организаторской роли идеологов и т.д.

Специальным опытом определяется специальное мировоззрение. В сознании одного специалиста жизнь и мир выступают как мастерская, где каждая вещь готовится на свою особую колодку, в сознании другого – как лавка, где за энергию и ловкость покупается счастье, в сознании третьего – как книга, написанная на разных языках и разными шрифтами, в сознании четвертого – как храм, где все достигается путем заклинаний, в сознании пятого – как сложная разветвля-

ющаяся схоластическая задача и т.д. и т.д. В мире торговли и кредита вырастает утилитарист, для которого любое проявление жизни арифметически оценивается на разменную монету выгоды; в атмосфере специально-правовой деятельности юрист, который даже законы природы невольно рассматривает как нормы, извне для нее установленные и не подлежащие нарушению; среди стихийно-могучей и гармонически связанной работы машин современный работник бессознательно усваивает механическую концепцию природы... Всякий строит мир по образу и подобию своего специального опыта.

Вместе с тем суживает возможность взаимного понимания людей. Имея дело с различным содержанием опыта и создавая для этого содержания неодинаковые формы, члены общества, развившего специализацию, говорят неминуемо на разных языках. И если бы специализация могла бесконечно развиваться, если бы наряду с дроблением коллективного опыта значительная его часть не оставалась общою для всех, то повторилась бы история вавилонского столпотворения, и люди принуждены были бы разойтись вследствие полного взаимного непонимания. Специализация не разрушила общества, но все же она в высокой степени его разъединила.

VI

Хотя специализация возникла среди авторитарных отношений, но, развиваясь, она перестает укладываться в рамки той или иной авторитарной группы. В своей обособленной сфере опыта каждый специалист встречает гораздо меньше сопротивлений, чем прежние цельные люди в своем разностороннем мире; поэтому расширение опыта идет здесь несравненно быстрее. Мир коллективный, разрастаясь одновременно по различным "специальным" направлениям, достигает колоссальных размеров по сравнению с прежней суммой коллективного опыта.

Между тем, силы старого авторитета ограничены хотя бы потому, что форма его конкретна и персональна; он воплощается в живом человеке, а никаких сил человеческих не хватит на то, чтобы овладеть всей суммой опыта, какую представляет жизнь специализированного общества. Коллективное целое уже не может сдерживаться и регулироваться одной волею, оно дробится, распадается на независимые группы. Это – индивидуальные хозяйства.

Центром каждой такой группы становится отдельный "специалист". Он участвует в социальной жизни как вполне самостоятельная единица, которой ничья чужая воля не предписывается ни путей, ни средств в ее трудовой деятельности. Общество как целое становится неорганизованной,

анархической системой, и потому оно полно противоречий. Живя разнородной жизнью, будучи независимы по форме, но постоянно сталкиваясь в силу необходимой материальной связи, элементы общества оказываются взаимно неприспособлены, а это значит – взаимно враждебны. Коллективный мир превращается тогда в мир конкуренции, борьбы интересов, войны всех против всех...

Тогда развивается и выступает на первый план человеческое "я".

VII

В мире специализации уже одно различие жизненного опыта вместе с его результатом – неполным взаимным пониманием людей – глубоко отграничивает человека от человека в их сознании. Это отграничение упрочивается благодаря внешней независимости отдельной личности от других в ее трудовой деятельности. Оно завершается на основе взаимной борьбы людей, вытекающей из противоречия их жизненных интересов.

Реально противопоставляясь другим "я", человеческое "я" становится самостоятельным центром интересов и стремлений. Молот общественного антагонизма выковывает индивидуальное сознание.

Перед нами уже не то соотносительное "я" авторитарного мира, которое не может представить себя без исполнительского "ты": перед нами "я" абсолютное, "я" *an und für sich*, само по себе и само для себя, чуждое сознания своей органической связи с другими "я" и всем миром.

Старый авторитет не в силах примириться с этим развивающимся анархическим сознанием, – он вступает в борьбу с ним, пытается подавить его. В борьбе с авторитетом индивидуализм становится *освободительным* течением. Эта его роль имеет громадное историческое значение, но она исторически преходяща. В старых революциях XVII и XVIII веков она выступает еще в полной силе; в революциях нашего времени борьба индивидуализма против авторитарного прошлого все более отступает перед его борьбой против социалистического будущего.

VIII

"Абсолютное" индивидуальное "я" выражает собою социально-раздробленный опыт и жизненное противоположение человека человеку. Понятно, что единство общественного целого – вне его поля зрения. И это единство не только невидимо для личности, – оно, кроме того, несовершенно, стихийно, неорганизовано; оно полно жизненных противоречий. Личность *ниже* этих противоречий недоступного и непонятного ей це-

лого, она бессильна перед ними; стихийные силы общественной жизни господствуют над человеком.

Каков опыт, таково мышление. Оно индивидуалистично, его вечным центром является “я”, “абсолютное”, оторванное от общественного – и, тем более, от мирового целого: это “я” – “субъект”, противостоящий всем остальному как “объекту”; в бесконечном ряду явлений действительности оно не находит себе места. Оно мучительно чувствует господство над собою каких-то темных стихийных сил, – но эти силы переходят за пределы его опыта, они сверх-индивидуальны; и свое смутное представление о них человек воплощает в безличных абстракциях метафизики с их неопределенным, колеблющимся содержанием. Вся жизнь, весь мировой процесс представляются тогда сознанию “проявлением” таинственных, безлично-абстрактных реальностей, глубоко скрытых под корою “видимого” мира как его непознаваемая “сущность”.

В философских головах эти метафизические формы мышления получают только наиболее чистую и тонкую отделку; но они характерны для *всякого* индивидуалистического сознания, как бы ни было смутно и неуклюже их выражение в психике неученого обывателя.

IX

Воплощая в себе раздробленный, противоречивый опыт, индивидуалистическое сознание необходимо становится жертвою “проклятых вопросов”. Это те безнадежно-бесплодные вопросы, на которые вот уже сколько веков “глупец ожидает ответа”. Что я такое? – спрашивает он, – и что этот мир? Откуда все это? Зачем? Почему столько зла в мире? И т.д. до бесконечности.

Присмотритесь к этим вопросам и вам станет ясно, что это – вопросы раздробленного человека. Именно их должны были бы задавать себе разъединенные органы одного организма, если бы продолжали жить, могли спрашивать.

Что я такое? – разве это не самый естественный вопрос для какого-нибудь пальца руки, оторванного от тела? Зачем я? Откуда? – как не спрашивать об этом живой части, потерявшей связь со своим жизненным целым? И неминуемым дополнением этих вопросов выступают другие – относительно того целого, которое необходимо и, в то же время, недоступно для своей части: что такое мир, зачем он, откуда? А там, где проходит разрыв живой ткани, отделяющий орган от тела, там чувствуется мучительная непонятная боль; – и вот вопросы о зле жизни.

Безнадежность вопросов вытекает из того, что никакие ответы на них все равно не могут и не должны удовлетворить индивидуалистического

сознания. Ведь эти вопросы выражают муки разорванной жизни, – и пока она остается разорванной, никакой ответ на прекратит боли, потому что на боль вообще не может быть ответа. Здесь все бесполезно; даже когда развивающаяся критика докажет, что эти вопросы неверно поставлены, не имеют смысла, основаны на ложных посылах, – даже тогда индивидуалистическое сознание не перестанет задавать их, потому что критика не в силах реально преобразовать это сознание, не в силах превратить его из жизненной дробы в целое.

X

Специализация не устранила авторитарного дробления человека; она только ограничила его поле и создала для него новые рамки. “Специалист” – ремесленник, крестьянин, ученый – не только внешним образом независим в своей деятельности, но он еще “авторитет” в пределах той маленькой группы, с которой связан прямой жизненной связью: он “глава” своей семьи, своего хозяйства. “Мещанский мир” – это мир авторитарно-индивидуалистический.

Блестящий представитель этого мира, Лювиг Бёрне, определял, помнится, свободу, как деспотизм в известной, ограниченной сфере. Это сфера, прежде всего, конечно, семья; и потому великий либерал горячо отстаивал рабство женщин и детей.

Мышление мещанского мира естественно совмещает в себе и авторитарный дуализм, и индивидуалистическую разорванность. Оно религиозно и метафизично. Его *Universum* раздвоено по всей линии и полон таинственных противоречий.

XI

Дробление человека порождает не только неполноту жизни, раздвоенность опыта, разорванность мира; оно порождает реальные жизненные противоречия и через них – развитие.

В раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым. Она несет ему тяжелые муки неудовлетворенности, но и толкает его на путь борьбы за ее удовлетворение. На этом пути совершается *собрание человека*.

Процесс этот жизненно сложнее и потому жизненно труднее, чем процесс дробления. Таким образом, пока этот последний развивается прогрессивно, первый неминуемо отстает от него все более. В результате, хотя собрание человека постоянно *вызывается* дроблением и идет за ним следом, но оно им совершенно *маскируется* в течение долгих периодов жизни человечества. Только тогда, когда процесс дробления замедляется и приостанавливается, только тогда процесс

собирания выступает на первый план и налагает свою печать на развитие жизни человечества.

Новейшее время истории является эпохой собирания человека.

ХII

В специализированном обществе потребность объединить, собрать раздробленный опыт достигает такой силы, что вызывает *сознательные* попытки в этом направлении. Эти попытки носят название “философии”. Задача философии – гармонические-единое мышление мира – совпадает с задачей собирания человека, потому что мир есть вся сумма доступного людям опыта.

Пока дробление человека прогрессивно развивалось, работа философии была работою Сизифа. Это была мучительная трагедия героических умов, вновь и вновь повторявших безнадежные усилия связать тонкими, светлыми нитями идей глубоко разорванную и все дальше расползающуюся ткань мира.

На известной стадии развития этой трагедии в нее вступает элемент комического. Философ делается *специалистом*, и чем далее, тем более узким. У него оказывается своя специальная область опыта – область слов, выражающих попытки объединения опыта. Он перестает быть энциклопедистом, каким был раньше, и уже не стремится быть им. Он замыкается в специальность и становится ходячим противоречием: оторванный кусок, серьезно занимающийся сшиванием целого.

Идя по этому пути, философ все больше превращается в филистера. Его деятельность становится систематическим штопаньем дыр мироздания бумажной тканью его ночного колпака. Таков преобладающий тип современных гносеологов и метафизиков. Бесполезность их усилий только смешна, их судьба – фарс, а не трагедия.

Каждый из них искренно считает себя наследником философских гениев прошлого – героев борьбы за единство мира и человека, – и не замечает, что в действительности он только плохой портной, не более.

Филистерская философия, разумеется, бесполезна и даже вредна для дела собирания человека. Оно осуществляется помимо нее не схоластической болтовней, а самой жизнью. Сама жизнь становится “философией”.

ХIII

Самый живой, самый типичный и яркий пример собирания человека мы найдем именно там, где дробление человека дошло до последней крайности.

Предел дробления человека – это детальный работник мануфактуры. Уже ремесленник был

“узким специалистом”, дробью человека по содержанию и по объему опыта; но работник мануфактуры сделался мелкой частью ремесленника. Один всю жизнь обтачивал острие иглолка, другой – всю жизнь пробивал ушко... Это были люди-машины.

Они и отупели почти до степени машин. И чем больше каждый из них тупел, утрачивая жизнь и индивидуальность, тем лучше он был в качестве машины, – и тем выгоднее для того, кто над ним господствовал и им пользовался. Выгода и привела к полному устранению этой индивидуальности и этой жизни: детального работника заменила *машина*, и это оказалось возможно и сравнительно легко – до такой степени он был раздроблен и упрощен.

Но, вместе с тем, явился новый тип труда: работник машинного производства. Работник мануфактуры бы мыслим только как *исполнитель* чужих указаний: он был машиной, а машиной надо управлять. Работник при машине – тоже исполнитель, но *не только* это: он *управляет* машиною. Он направляет и контролирует деятельность механизма, – работа по своему психическому содержанию того же типа как деятельность организатора, направлявшего и контролировавшего труд мануфактурных работников. “Организаторские” качества – интеллигентность, внимание – нужны машинному работнику даже в большей степени: детального работника понимать было легко, и слушался он почти всегда; но машину понимать зачастую гораздо труднее, и она нередко перестает слушаться...

Так в мире техники делается важный шаг на том пути, на котором преодолевается основное – авторитарное дробление человека: возникает психический тип, совмещающий организаторскую и исполнительскую точку зрения в одной непосредственно цельной деятельности.

Этого мало. Требуя от работника интеллигентности и внимания, машина, в то же время, *сама по себе* вовсе не способна удовлетворить вызванным ею запросам. Работа при машине пуста, малосодержательна; она только время от времени полностью занимает интеллект и внимание. Приходится искать для них иной пищи, чтобы заполнить пустоту. Развиваются умственные интересы, стремление углубить и расширить опыт, – интересы и стремления, направленные к собиранию человека.

Но как удовлетворить их? Об этом заботится капитал. Он собирает *людей*, – и это ведет к собиранию человека. Капитал объединяет людей большими массами за общей работой. Им надо только *понимать* друг друга, чтобы взаимно расширять и углублять свой опыт. И к этому взаимному пониманию нет прежних препятствий, потому что тут перед нами уже люди, а не специализи-

рованные машины мануфактур. При каких бы различных машинах ни находились машинные работники, в общем характере и содержании их труда всегда много сходного; и это сходство все более возрастает, по мере того как машина совершенствуется и приближается к своему идеалу – автоматическому механизму. Таким образом, общности опыта достаточно для взаимного понимания при общении. И общение развивается.

Так шаг за шагом преодолевается вторая форма дробления человека – специализация.

XIV

На основе общности опыта, как той, которая дана непосредственно, так и той, которая развивается путем общения, возникают далее новые и более совершенные формы собирания человека.

Типичнейшая из этих форм есть групповое и классовое самосознание. Оно расширяет индивидуальный опыт до группового, и более широкого – классового, индивидуальные интересы и стремления до групповых, и затем классовых. Это необходимая стадия собирания человека.

На ее почве, в свою очередь, возникают различные новые формы и комбинации собирания людей – экономические, политические, идейные союзы, партии, доктрины. Одни из них оказываются более жизнеспособными, другие менее; одни развиваются, другие распадаются. Но, в конечном счете, прямо и косвенно все они служат делу собирания человека.

XV

Машина родилась в мире конкуренции, общественного антагонизма. Эту конкуренцию, этот антагонизм она, как известно, обострила, довела до крайности. Но, тем самым, она обострила и усилила *потребность развития*.

Для конкуренции становится необходимым непрерывное, планомерное совершенствование техники в каждой данной ее области. Потребность эта удовлетворяется выработкой общих технических методов.

Общие методы техники ведут к тому, что все машины шаг за шагом приближаются к высшему их типу, автоматическому механизму. Этот процесс не только прямо и непосредственно уменьшает значение специализации, увеличивая сходство различных форм труда, – он имеет еще иное, косвенное, но громадное значение для дела собирания человека.

Наука в своей основе есть систематизация техники: ее материалом является “труд, который есть опыт, и опыт, который есть труд”. *Общие технические методы она выражает и отражает*

в общих методах познания. Она становится монистичной.

Всеобщий научный закон сохранения и превращения энергий есть именно всеобщий технический принцип машинного производства: он выражает собою тот основной факт всякого человеческого труда, что работа необходимо почерпывается из какого-нибудь наличного запаса сил. А дополняющий собою закон энергии – всеобщий ограничительный закон энтропии – отражает собою всеобщую ограниченность человеческой техники: наличный запас энергии никогда не может быть всецело, полностью использован человеком.

Так систематизируется весь коллективный опыт в объединяющие формы познания, доступные психике отдельного человека. Знание общих методов заменяет знакомство с бесконечными деталями. Неспециалист тогда в любой специальной области перестает чувствовать себя чуждым: ему, конечно, многие частности и мелочи *неизвестны*, но все в общем для него *понятно*, и с каждой из этих частных и мелочей он может легко ознакомиться, как только пожелает. Специалист же остается таким лишь в сфере деталей; а в сфере методов, т.е. во всей *активной* стороне своего специального опыта, он уже – человек.

Специалист прежнего типа становится не только уродливой, но и бесполезной фигурой; он не в силах ничего создать в своей области, потому что приемы его стереотипны, а психика узка и бедна. В лучшем случае он годится еще для собирания фактов; но и тут зачастую приносит вред вместо пользы, не умея разобраться в этих фактах, без толку их нагромождая или даже бессознательно их искажая соответственно своей отжившей точке зрения. Когда же он выступает в область широких обобщений, то оказывается прямо реакционером: в биологии он – виталист, в экономической науке – “*Grenz-nützer*”, в философии – метафизик, повсюду – схоластик. Тут он еще вреден, но для развивающегося познания уже не страшен; его величественная мина вызывает только веселый смех молодой критики.

На смену старому филистеру-специалисту приходит новый тип ученого: широко образованный, монистически мыслящий, социально живущий. В нем выражается сознательно-систематическое собирание человека; оно идет чем дальше, тем успешнее, потому что находит себе опору в стихийно-общественном процессе. Лучшим, почти идеальным воплощением этого типа был тот, кто первый дал монистическое понимание общественной жизни и развития – великий философ-боец Карл Маркс.

Собирание человека происходит различными путями: я указал из них только основные – в сфере техники и познания. Проследивать все произ-

водные – в области “политических” “правовых”, “нравственных” отношений – было бы слишком долго. Важно то, что каждый новый шаг на этом пути облегчает дальнейшие, увеличивая связь и взаимное понимание тех элементов человечества, которые вовлечены в процесс “собираания”. Следовательно, как ни труден, как ни мучителен порою этот процесс, но с каждой новой своей фазой он осуществляется все легче. Скорость его возрастает.

XVII

Куда же ведет эта линия развития? К превращению человека-дробь в человека-целое. Но что это значит? Должно ли при этом получиться возвращение к первобытному типу стихийно-целостной жизни, когда опыт каждого и опыт всех совпадали, когда человек был стереотипно повторяющимся элементом недифференцированного целого? Конечно, нет.

По мере завоевания человеком природы сумма коллективного опыта возрастает до таких колоссальных размеров, что ее нельзя себе представить полностью вмещающей в каждую отдельную психику. И самый процесс собирания человека, насколько он нам известен, направлен вовсе не к такому чудовищному распуханию человеческой души.

Дело идет о возрастающей общности *основного содержания* опыта, а не бесчисленных частных переживаний, о возможности *полного взаимного понимания* людей, а не об их психическом тождестве; о способности каждого во всякое время *овладеть* какой угодно частью опыта других людей, а не о фактическом обладании всем этим опытом.

Первобытная цельность основывалась на ограниченности жизни и соединялась с крайним ее консерватизмом: та новая цельность, к которой ведет собирание человека, должна охватить громадное богатство жизни и дать простор ее беспредельному развитию. Первая имеет статический характер, вторая – динамический; первая является *привычной*, вторая – *пластичной*; сущность первой составляет простота, сущность второй – гармония.

Вы смотрите вокруг себя, в поле вашего зрения развертывается бесконечный мир. В ваших глазах лучи света рисуют изображения предметов; это уменьшенные, но “верные” изображения. Одни предметы ближе к вам и воспринимаются с большей детальностью, другие дальше и воспринимаются лишь в общих чертах, третьи в данный момент недоступны вашему зрению. Для другого человека все отношения иные: он видит те предметы, которых вы не видите, и, наоборот, для него с мелкими подробностями выступают та-

кие части среды, которые вам являются лишь в виде смутных контуров и т.д. Словом, поле зрения у него *другое*. Но вам стоит только подойти или приложить к глазам бинокль, чтобы разглядеть любой из ближайших к нему предметов настолько же ясно и детально, насколько он его видит. Зрительный мир у вас обоих *один и тот же*, и оба вы располагаете *общими методами*, чтобы зрительно “овладеть” любой частью этого мира.

Однако, если вы живете на маленьком острове, которого не можете покинуть, или, если вы не знаете употребления оптических инструментов, которыми пользуются другие, то для вас зрительный мир не тот, что для других людей, и вам “непонятны” их описания других стран, их сообщения относительно формы и движения планет и тому подобные высказывания.

Подставьте в обоих случаях вместо зрительного мира коллективный опыт, и вы получите антитезу между гармонической жизнью будущего, к которой ведет собирание человека, и современной отживающей специализацией. Если человек владеет выработанными общими методами познания и практики, то стоит ему “подойти” с этими методами к любому вопросу, к любой жизненной задаче, и он разрешит этот вопрос, эту задачу, хотя они вне его “специальности”. А при старой специализации человек “подойти” не в силах, общих методов не имеется, – для разрешения частного вопроса, частной задачи надо овладеть целой новой специальностью, что может потребовать всей жизни человека.

Когда в опыте каждого имеется уменьшенное, но верное и гармоничное отражение опыта всех, когда в переживаниях другого никто не находит ничего принципиально недоступного и непонятного, тогда “специальный” труд так же мало отрывает человека от коллективной жизни, как данное поле зрения отрывает его от всего зрительного мира. Тогда жизнь может свободно расширяться во всяком данном направлении, не уродуясь, не искажаясь, не делаясь болезненно-односторонней.

К этому ведет собирание человека.

XVIII

Человек – отражение общества. Каким же общественным отношениям соответствует новый, развивающийся тип человеческой жизни? Принципиальное равенство опыта, соединенное с полным взаимным пониманием людей, может явиться лишь результатом широкого общения людей при полном равенстве их взаимного положения. Этим условиям соответствует только один тип отношений между людьми – отношения *товарищеские*. Отношения эти, по существу, враждебны всяким перегородкам между людьми – всякому

подчинению и сужению, всякому дроблению человека.

Собирание человека и совершается в действительности именно там и постольку, где и поскольку отношения авторитаризма и специализации сменяются товарищескими.

Доказывать это нет надобности; подробно выяснять – здесь не приходится.

XIX

Несомненно, что всеобщие товарищеские отношения и полное взаимное понимание людей означают уничтожение общественных противоречий и антагонизмов.

Здесь возникает вопрос о *силах развития*.

Противники товарищеских отношений утверждают, что сами по себе эти отношения застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми в виде войн, конкуренции, группового антагонизма, наконец, хотя бы ослабленного психического отражения этой борьбы – соревнования, – только она, по их мнению, вызывает развитие и гарантирует его непрерывность. Где есть гармония, там некуда и незачем идти дальше. Так ли это?

Разве жизненная борьба прекращается с прекращением борьбы между людьми? Разве стихийная природа заключает тогда мир с человеческим сознанием? Разве страдания, смерть, непознанное нашего мира и неизвестное других, отдаленных миров перестают окружать человека? Разве великий враг раскрывает ему тогда свои объятия?

Борьба человека против человека – это только дорогая цена, которую покупается *стихийное* развитие. Масса сил бесплодно растрачивается на эту борьбу, и только небольшая часть их идет прямо на то, чтобы сделать человека сильнее и совершеннее. С прекращением такой растраты сил начинается эпоха *сознательного* развития.

Там, где опыт каждого непрерывно получает новое и новое содержание из опыта всех, где из взаимного общения людей для каждого непрерывно возникают новые и новые вопросы и задачи, где гармоническое объединение коллективных сил дает каждому возможность вступить в общую борьбу против стихийной природы с уверенностью в победе, – там не может быть вопроса о стимулах развития.

Кто считает борьбу между людьми необходимым условием их развития, тот просто обобщает свой узкий опыт, грубо перенося его в будущее. Нередко человек, воспитанный на розге, считает невозможным без ее помощи научить детей чему-нибудь. Это та же логика.

Собирание человека ведет не к застою, а к смене одного типа развития другим: дисгармонического развития человечества раздробленного – гармоническим развитием объединенного человечества. В сущности, дробление человека никогда не было *только* дроблением. Оно совершалось гораздо больше путем одностороннего развития, чем путем сокращения жизни, гораздо больше путем гипертрофии одной ее стороны, чем путем атрофии других сторон. *Полнота жизни* при этом не уменьшалась, а возрастала.

Даже самый узкий специалист нашего времени – какой-нибудь кузнец, выковывающий одни гвозди, или запыленный гносеолог, видящий жизнь только через тусклые стекла своего кабинета, – даже они обладают неизмеримо большим богатством переживаний, чем первобытно-целостный человек времен давно минувших. И таково же должно оказаться различие суммы жизни для одностороннего, противоречиво развивающегося человека наших времен – и для того гармонического, разностороннего существа, которое его сменит. При громадном количественном различии опыта и при коренном несхождении самого типа жизни, представитель одной фазы развития человечества не в силах даже понять представителя другой фазы, не в силах конкретно вообразить его психическую жизнь; исследуя ее основные черты, как делаю это я по отношению к типу доисторического прошлого и к типу исторически намечающегося будущего.

Тут возникает вопрос: имеет ли смысл одним и тем же словом “человек” обозначать существа, настолько разнородные? И да и нет. Да, потому что цепь развития здесь все же непрерывна. Нет, потому что мало пользы в объединяющем *понятии* там, где реальные различия преобладают над сходством, где нет психической связи и единства, достаточных для взаимного *понимания* живых существ. Очевидно, что “нет” здесь вернее, чем “да”.

Итак, что же такое человек? Ответом на этот вопрос служит вся обрисованная картина развития. Признаем ли мы человеком существо эмбрионально-простое, стихийное, чуждое развития? Мне кажется, нет.

Признаем ли мы человеком существо неполное, часть, оторванную от своего целого, дисгармонически развивающуюся? Мне кажется, нет.

Но если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное, то наш вывод будет такой: *Человек еще не пришел*; но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте.